

Гуань Хэна не было в той пустой комнате, где он обычно собирал пазлы.

Нин Цюянь прошел по длинному коридору и остановился у двери той самой комнаты, где они всегда встречались.

Он уже занес руку, чтобы постучать, как вдруг услышал голос Гуань Хэна:

— Входи.

Нин Цюянь замер. Казалось, Гуань Хэн, даже находясь за дверью и толстым ковром, поглощающим шаги, точно знал, что это пришел именно он.

Нин Цюянь взялся за ручку, слегка повернул ее и толкнул двустворчатую дверь.

В центре комнаты ярко пылал камин — там было очень тепло и необычайно тихо. Почти ни звука.

Отблески огня падали на двоих мужчин — один сидел, другой стоял. Пламя озаряло их лица — одинаково бледные, но поразительно красивые.

Гуань Хэн сидел.

Гость стоял, слегка подавшись вперед, с руками за спиной, выглядя очень почтительно.

Появление Нин Цюяня, вероятно, прервало их беседу. Закрывая за собой дверь, он почувствовал на себе их взгляды.

Проходя мимо, он заметил, что гость не сводит с него глаз, следя за каждым его движением. У гостя тоже были глубокие черные глаза, но, в отличие от того, что Нин Цюянь видел внизу, сейчас в них едва уловимо мерцала краснота — точно такая же, какую он замечал у самого Гуань Хэна.

Может, это просто игра света? Нин Цюянь не знал.

— Это Лу Цяньцюэ, — представил его Гуань Хэн. — Тот самый человек, с которым ты поддерживал связь.

Контактное лицо? Тот самый аккаунт, начинающийся на LU?

Нин Цюянь с удивлением посмотрел на гостя:

— Значит, все это время вы общались со мной?

С момента первых контактов до утверждения соглашения, а затем — последующие поставки и уведомления.

Нин Цюянь наконец понял, почему внизу тот сказал, что они наконец-то встретились.

Лу Цяньцюэ слегка кивнул. При этом он не отрывал взгляда от лица Нин Цюяня, словно тот был ему крайне интересен.

— Я думал, вы тоже живете на острове Ду, — сказал Нин Цюянь.

— На самом деле, у меня была такая мысль, — ответил Лу Цяньцюэ, — но господин не любит жить с... со мной, так что мне пришлось жалобно убраться с острова по его приказу.

Гуань Хэн никак не прокомментировал это, лишь бросил на Лу Цяньцюэ короткий взгляд.

Тот мгновенно отбросил шутливый тон и спросил Нин Цюяня:

— Слышал, ты играешь на гитаре?

Нин Цюянь не понял, к чему этот вопрос, но кивнул:

— Да, играю.

— У моего ребенка сегодня день рождения, а я не успеваю вернуться, — сказал Лу Цяньцюэ. — Он очень любит один мультфильм — он назвал всем известное название, — не мог бы ты сыграть для него главную тему в подарок?

Разумеется, это было нетрудно. Но гитары под рукой не было, и Нин Цюянь не мог исполнить просьбу.

Словно прочитав его мысли, Лу Цяньцюэ улыбнулся:

— Пойдем, выберем тебе достойный инструмент.

Выбрать инструмент?

Нин Цюянь еще больше растерялся.

Лу Цяньцюэ обернулся к Гуань Хэну:

— Господин, не хотите с нами?

Огонь в камине вспыхнул ярче. Гуань Хэн подпер висок рукой, вид у него был ленивый и совершенно равнодушный:

— Идите без меня.

Лу Цяньцюэ кивнул, его движения были полны изящества и почтения:

— Тогда я выберу самое лучшее. — Он повернулся к Нин Цюяню: — Пойдем, щеночек, за мной.

Нин Цюянь снова был застигнут врасплох этим обращением. На этот раз он даже не посмел проверить, не смеется ли над ним Гуань Хэн, а просто поправил:

— Меня зовут Нин Цюянь.

Лу Цяньцюэ шел впереди и бросил через плечо:

— А по-моему, очень мило.

— ...А по-моему, нет, — отозвался Нин Цюянь, забыв об уважительном тоне. — Не называй меня так.

Он был недоволен. Они уже вышли из комнаты, и Лу Цяньцюэ, который шел очень быстро, совершенно не обращая внимания на тон Нин Цюяня, казалось, был только рад возможности поскорее добраться до инструментов. Он даже шел спиной вперед, чтобы продолжать разговор:

— О, это прозвище придумал не я. Если хочешь протестовать, иди к доктору Лину.

— ? — Нин Цюянь замер. — Доктор Лин?

Лу Цяньцюэ был на редкость общительным человеком.

— Твое имя трудно запомнить, оно выговаривается с трудом, — пояснил он. — Из-за доктора Лина мы теперь между собой зовем тебя щеночком.

Лицо Нин Цюяня снова вспыхнуло. Неужели даже Гуань Хэн... Неужели смешинки в его глазах были вызваны именно этим?

— Когда мы только подписывали с тобой договор, — продолжал Лу Цяньцюэ, — ты показался мне таким по-детски наивным, раз решился на такое. Не ожидал, что в жизни ты окажешься еще милее!

Нин Цюянь промолчал. Звучало это вовсе не как комплимент.

Лу Цяньцюэ моргнул:

— Не злись, я клянусь, мы все к тебе очень хорошо относимся! Иначе стал бы господин лично ехать за тобой, когда ты потерялся? Словно если бы он опоздал хоть на минуту, тебя бы растерзали дикие звери. Ну не преувеличение ли?

Нин Цюянь не нашел, что ответить.

То, что Гуань Хэн поехал за ним, действительно заставило его почувствовать себя польщенным, но из-за их тайного соглашения это казалось чем-то само собой разумеющимся.

Это была тайна между ними двоими, и он, конечно, не собирался рассказывать о ней Лу Цяньцюэ.

Нин Цюянь не злился по-настоящему, но ему не нравилось, когда его сравнивают с собакой. В большинстве случаев это слово не несло в себе ничего лестного. Однако Лу Цяньцюэ был гостем, и спорить с ним не хотелось. Нин Цюянь решил, что при следующей встрече с доктором Лином обязательно выразит решительный протест и пресечет распространение этого нелепого прозвища в самом зародыше.

Лу Цяньцюэ ориентировался здесь гораздо лучше Нин Цюяня. Он шел так быстро, что Нин Цюяню пришлось ускориться, цокая каблуками по лестнице. Они спустились на первый этаж и вошли туда, где Нин Цюянь еще никогда не бывал.

Это была огромная музыкальная комната, или, скорее, выставочный зал. Как только Нин Цюянь вошел, он застыл в изумлении.

Гитары, саксофоны, арфы, скрипки, виолончели — глаза разбегались от обилия западных инструментов. В центре стоял рояль, а в другой стороне были расставлены гучжэны, колокольчики, флейты и другие национальные инструменты, названий многих из которых Нин Цюянь даже не знал.

Он невольно начал ходить по комнате, потрясенный тем, как безупречно содержались эти инструменты — они сияли, как новые.

Теперь он наконец понял, что имел в виду дядя Кан, когда сказал, что на остров ему не нужно ничего привозить.

— Как тебе эта? — Лу Цяньцюэ небрежно снял с подставки гитару.

Нин Цюянь присмотрелся. Это была классическая гитара, черная, с немного потертым лаком на корпусе. Он не знал ее истории, но чувствовал, что инструмент необыкновенный.

— Или хочешь другую? — спросил Лу Цяньцюэ. — Мне все равно.

Нин Цюянь взял гитару из его рук:

— Нет, пусть будет эта.

Когда они выбрали инструмент, Нин Цюянь спросил:

— Почему у господина Гуаня так много музыкальных инструментов?

— Некоторые из них он освоил давным-давно, другие ему подарили, — ответил Лу Цяньцюэ. — У него никогда не было недостатка в таких вещах. Но, кажется, он сам не прикасался к ним уже много лет. Видишь, он лучше позволит играть нам, чем сам возьмет в руки.

Много лет?

— Господин Гуань не играет сейчас из-за болезни? — тихо спросил Нин Цюянь.

Он стоял среди инструментов, и в его глазах, чистых, как у ребенка, читалась искренняя тревога.

— Болезни? — Лу Цяньцюэ слегка пригасил улыбку и помолчал. — Ты еще не знаешь, да?

Нин Цюянь растерялся. Он очень хотел узнать о Гуань Хэне всё: чем он болен, угрожает ли это его жизни. В глубине души он, возможно, искал подтверждения чего-то другого, чтобы развеять свои растущие, но нелепые догадки.

Но Лу Цяньцюэ не стал продолжать.

Нин Цюянь снова остался без ответа.

Лу Цяньцюэ забрал гитару и пробормотал: Впервые сталкиваюсь с таким. Затем он сказал Нин Цюяню:

— Ну что, выбрали, пойдем обратно. Господин ждет.

Они вернулись в ту же комнату. Гуань Хэн действительно ждал, но уже не сидел — он установил видеокамеру на штатив, направив объектив на стул, который принесли слуги.

— Будем записывать видео? — удивился Нин Цюянь.

Он думал, что достаточно просто записать звук на телефон — в конце концов, здесь не было глушилок, и Лу Цяньцюэ успеет отправить поздравление ребенку. Он не ожидал, что дело дойдет до профессиональной видеокамеры.

— Да, — Гуань Хэн закончил настройку. — Иди сюда.

Нин Цюянь подошел и встал рядом с ним.

Гуань Хэн посмотрел на него сверху вниз. Видя, что тот не понимает, он терпеливо сказал:

— Садись и смотри в камеру.

— Я? — переспросил Нин Цюянь.

— Да, — кивнул Гуань Хэн. — Лу Цяньцюэ тоже будет в кадре.

Нин Цюяню ничего не оставалось, как сесть на стул, чувствуя себя крайне неудобно под прицелом объектива. Он не любил селфи и никогда не снимал себя на видео, а тем более — когда за камерой стоял Гуань Хэн.

Глядя в объектив, он невольно видел Гуань Хэна, настраивающего оборудование. Его четкие линии бровей, прямой нос и это спокойное, едва уловимое выражение лица.

Гуань Хэн был идеален, мягок и силен. Если не считать так называемой болезни крови, в нем невозможно было найти ни единого изъяна.

Появление Лу Цяньцюэ словно связало Гуань Хэна с реальностью, заставив Нин Цюяня поверить, что тот не был плодом его воображения. Хотя загадочности в Гуань Хэне от этого ничуть не убавилось.

— Кхм, — кашлянул Лу Цяньцюэ.

Нин Цюянь вздрогнул и пришел в себя.

Гуань Хэн медленно поднял взгляд от камеры, переведя глубокий взор с экрана прямо на лицо Нин Цюяня.

Между ними разлилось нечто двусмысленное. Поняв, что они всё это время смотрели друг на друга, Нин Цюянь смутился и отвел взгляд, чувствуя, как горят уши.

— Готов? — Лу Цяньцюэ протянул ему гитару. — Может, разомнешься немного?

Нин Цюянь обнял гитару, подстроил струны и взял несколько аккордов.

Лу Цяньцюэ подошел ближе.

Песня из мультфильма оказалась не такой уж детской, Лу Цяньцюэ пел неплохо, и они записали всё с первого дубля.

Когда они закончили, лицо Нин Цюяня горело еще сильнее.

Он услышал голос Гуань Хэна:

— Сыграй еще одну.

Нин Цюянь застенчиво посмотрел на него. Гуань Хэн уже сидел на кушетке, с видом зрителя, наслаждающегося представлением:

— Ту, которую ты играл у озера в прошлый раз.

У озера?

В прошлый раз, когда он был на острове Ду, из-за отсутствия сети он действительно играл у озера.

Откуда Гуань Хэн знает?

Слышал... или он был тогда где-то рядом?

Он начал играть мелодию, которую повторял уже несколько раз, но Гуань Хэн тут же его прервал:

— Нет, не эта.

Нин Цюянь замялся.

— Другая, — сказал Гуань Хэн. — Та, которую ты тихо напевал.

Это была его собственная мелодия, которую он сочинил еще при жизни матери, когда она была тяжело больна. Он сыграл ее у озера лишь однажды, едва набросав короткий мотив, и даже слов к ней еще не было. Кроме матери, ее никто не слышал.

Нин Цюань нервно закусил губу, его пальцы слегка дрожали.

Этот вечер оказался совсем не таким, как он себе представлял. Он был совершенно не готов.

Гуань Хэн предъявил свое требование так, словно пользовался правом, которое принадлежало ему по умолчанию.

— Сыграй мне.

<http://bllate.org/book/18663/1799637>